
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ

© 2016 г. Сергей Дмитриевич Князев¹

В статье анализируется значение международных стандартов криминальной юстиции для современного российского уголовного судопроизводства в их соотношении с конституционными принципами отправления правосудия. Особое внимание уделяется роли решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства и судебной практики по уголовным делам.

The article analyses the meaning of international standards of criminal justice for modern Russian criminal adjudication in relation to the constitutional principles of justice. The stress is made to the role of the Russian Constitutional Court and the European Court of Human Rights decisions concerning improvement of criminal procedural law and criminal case law.

Ключевые слова: российское уголовное судопроизводство; конституционные принципы правосудия; международные стандарты криминальной юстиции; Конституционный Суд РФ; Европейский Суд по правам человека.

Key words: Russian criminal adjudication; constitutional principles of justice; international standards of criminal justice; the Constitutional Court of the Russian Federation; the European court of Human Rights.

Уголовное судопроизводство в России, его организация и законодательное регулирование на протяжении многих лет являлись, по сути, исключительно внутригосударственным делом. Ситуация принципиально изменилась с принятием Конституции РФ 1993 г., которая, зафиксировав осознание российским народом себя в качестве части мирового сообщества (преамбула) и включив общепризнанные принципы (нормы) международного права и международные договоры Российской Федерации в национальную правовую систему (ч. 4 ст. 15), фактически поставила задачу приведения криминальной юстиции в соответствие с международными, прежде всего европейскими, стандартами отправления уголовного правосудия.

Особая роль в утверждении таких стандартов, безусловно, отводится концептуальным положениям, содержащимся в ст. 10 Всеобщей декларации прав человека, ст. 14 Международного пак-

та о гражданских и политических правах и ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, фокусирующим внимание государств на том, что каждый человек при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным в соответствии с законом. Как сами по себе, так и в особенности в их интерпретации в решениях Комитета по правам человека и Европейского Суда по правам человека данные международно-правовые нормы задают универсальные параметры уголовного судопроизводства в демократическом правовом государстве и тем самым обязывают Российскую Федерацию принимать все необходимые меры к тому, чтобы они были восприняты судебной практикой.

При этом, однако, не следует забывать, что международные обязательства России, в том числе относящиеся к уголовно-процессуальной сфере, не отменяют верховенства, высшей юридической силы, прямого действия и непосредственного применения на всей территории России Конституции РФ (ч. 2 ст. 4; ч. 1 ст. 15). Как указал Конституционный Суд РФ в своем Постановлении № 21-П от 14 июля 2015 г., важно учитывать, что конституционный суверенитет, верховенство

---

¹ Судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор (E-mail: Knyazev@ksrf.ru).

Sergey Knyazev, the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, head of Department of constitutional and administrative law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor (E-mail: Knyazev@ksrf.ru).

Конституции, её высшая юридическая сила и недопустимость имплементации в правовую систему России международных договоров, положения которых ограничивают права и свободы человека и гражданина или каким-либо образом посягают на основы конституционного строя Российской Федерации (ч. 1 и 2 ст. 4; ч. 1 ст. 15; ст. 79 Конституции РФ), означают, в частности, что ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод, ни основанные на ней правовые позиции, содержащиеся в постановлениях Европейского Суда по правам человека, не могут отменять для российской правовой системы приоритета конституционных норм, а потому подлежат практической реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы Конституции РФ. Поэтому, обеспечивая соблюдение международных стандартов уголовного судопроизводства, компетентные государственные органы одновременно должны неукоснительно следовать предписаниям Конституции РФ, что, несомненно, диктует необходимость оптимального согласования конституционных и международных начал уголовного правосудия в целях наиболее эффективной защиты прав и свобод человека в сфере борьбы с преступностью.

По общему правилу такое согласование не сопряжено с серьёзными затруднениями, так как и конституционные нормы, и положения международно-правовых актов основываются, по существу, на одних и тех же базовых принципах, без соблюдения которых борьба с преступностью и уголовное судопроизводство в правовом государстве невозможны. Если обратиться к Международному пакту о гражданских и политических правах и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, то несложно обнаружить, что между содержанием их положений и нормативными установлениями российской Конституции нет заметных расхождений в подходах к обеспечению соблюдения и защиты прав и свобод индивидов и их объединений, в том числе в уголовно-процессуальных отношениях. Для того чтобы снять даже малейшие сомнения на этот счёт, достаточно указать на такие статьи Конституции РФ, в которых закрепляются равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19), право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом (ч. 1 ст. 47), отправление правосудия только судом (ч. 1 ст. 118), независимость судей (ч. 1 ст. 120), несменяемость судей (ч. 1 ст. 121), неприкосновенность судей (ч. 1 ст. 122) и открытое разбирательство дел во всех судах на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 1 и 3 ст. 123).

Не случайно в практике отечественного конституционного правосудия изначально обозначилась тенденция воспринимать общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве своеобразного наднационального юридического эталона, который не может не подлежать учёту при осуществлении прав и свобод человека и гражданина, закреплённых в Конституции РФ. Основываясь на этом, Конституционный Суд РФ, давая оценку конституционности закона, часто прибегает к международно-правовой аргументации для дополнительного обоснования своих выводов, разъяснения значения конституционных норм, а также выявления конституционно-правового смысла тех или иных законодательных положений². Логическим следствием такой деятельности является упрочение взаимосвязи и взаимодействия российского и международного (европейского) правопорядков, получающее последовательное восприятие и подтверждение в конституционно-судебной практике³.

Наглядной иллюстрацией тому, что между конституционными принципами и международными стандартами уголовного правосудия отсутствуют сколько-нибудь значимые различия, могут, в частности, служить многочисленные решения Конституционного Суда РФ, в которых он, осуществляя проверку конституционности тех или иных положений уголовно-процессуального законодательства, обращается не только к тексту Конституции, но и к международно-правовым источникам, включая прецедентную практику наднациональных юрисдикционных органов. Так, в последнее время это имело место при проверке норм УПК РФ о возможности прекращения производства по уголовному делу в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого в случае, когда с этим не согласны близкие родственники умершего (Постановление от 14 июля 2011 г. № 16-П), о применении к подозреваемым и обвиняемым домашнего ареста (Постановление от 6 декабря 2011 г. № 27-П), о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (Постановление от 11 ноября 2014 г. № 28-П), о продлении срока содержания под стражей обвиняемого на период ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами возвращенного судом прокурору уголовного дела после устранения препятствий его рассмотрения и завершения

² См.: Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 485.

³ См.: Князев С.Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал рос. права. 2013. № 12. С. 10, 11.

необходимых для этого следственных и иных процессуальных действий (Постановление от 16 июля 2015 г. № 23-П). Во всех указанных, равно как и в ряде других, случаях Конституционный Суд России, принимая решение о соответствии (либо несоответствии) Конституции РФ уголовно-процессуального закона, апеллировал к международным стандартам эффективного, этичного, справедливого, гуманного и ответственного уголовного правосудия⁴, полагая, что они, находясь в естественной гармонии с конституционными принципами уголовного судопроизводства, не могут игнорироваться при оценке национального законодательства.

Вместе с тем, нельзя не признать, что российская уголовная юстиция как с точки зрения состояния процессуального законодательства, так и особенно в правоприменительном контексте пока ещё не в полной мере отвечает общепризнанным международным стандартам правосудия. Об этом, в частности, весьма красноречиво свидетельствует статистика Европейского Суда по правам человека, из которой следует, что Россия занимает одно из лидирующих мест среди всех стран – участниц Европейской конвенции по количеству нарушений прав и свобод, в том числе применительно к уголовному правосудию⁵. Наибольшую озабоченность в этом смысле не могут не вызывать следующие вопросы.

Во-первых, долгие годы “ахиллесовой пятой” криминальной юстиции остаётся проблема обоснованности избрания (продления) и сроков применения такой меры уголовно-процессуального пресечения, как заключение под стражу. К сожалению, в практике российских судов по-прежнему преобладает во многом инерционный подход, в силу которого именно содержание под стражей воспринимается ими в качестве наиболее действенной меры обеспечения интересов уголовного судопроизводства. Исходя из этого, судьи

склонны всякий раз принимать решение об избрании указанной меры пресечения, если следствие полагает, что существует вероятность того, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжить заниматься преступной деятельностью, имеет возможность угрожать свидетелям, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путём воспрепятствовать производству по уголовному делу. Между тем – и на это обстоятельство неоднократно обращалось внимание в решениях Европейского Суда по правам человека – подобные угрозы не должны иметь чисто гипотетической природы. Заключение под стражу допустимо лишь тогда, когда такие угрозы объективно подтверждены конкретными фактами (доказательствами), из которых следует, что применение данной меры объективно обусловлено и необходимо. К тому же суды, принимая решение о заключении под стражу, должны мотивировать невозможность применения альтернативных мер пресечения, не связанных с лишением свободы, тем более в случаях, когда об этом ходатайствует сторона защиты. Иначе уголовное судопроизводство едва ли будет отвечать стандартам справедливости и гуманизма.

К настоящему времени Европейский Суд по правам человека вынес более сотни постановлений по российским делам, в которых им были зафиксированы многочисленные нарушения права на свободу и личную неприкосновенность при применении в уголовном процессе заключения под стражу (постановления от 15 июля 2002 г. по делу “Калашников (Kalashnikov) против России”, от 24 октября 2003 г. по делу “Смирнова (Smirnova) против России”, от 20 сентября 2011 г. по делу “Федоренко (Fedorenko) против России”, от 7 мая 2015 г. по делу “Александр Дмитриев (Aleksander Dmitriyev) против России” и др.). В указанных постановлениях Страсбургский Суд последовательно проводит линию, согласно которой решение о выборе меры пресечения всегда должно быть конкретным, подтверждённым материалами дела (фактами), доступными стороне защиты, с очевидностью указывающими на необходимость ограничения свободы привлекаемого к уголовной ответственности лица. При этом лишение обвиняемого (подозреваемого) свободы до приговора суда должно быть исключительной мерой в ряду иных мер, обеспечивающих нормальное отправление уголовного правосудия, а потому всё, что связано с его использованием (основания, условия, продолжительность, риски и т.п.), не может иметь произвольного характера.

⁴ Подробнее см.: Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации / Отв. ред. В.П. Кашепов. М., 2012.

⁵ См.: Деменева А.В. Исполнение Россией постановлений Европейского Суда по правам человека: количество, не переходящее в качество // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4. С. 69–76; Лобов М.Б. RESTITUTIO IN INTEGRUM в системе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 5. С. 92, 93; Диков Г.В. Право на свободу и меры пресечения в уголовном процессе – подходы Европейского Суда // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 5. С. 22–29; Брэйди Н. Использование результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе в свете решений ЕСПЧ по жалобам в отношении Российской Федерации // Там же. С. 30–35.

Соответственно, российские суды обязаны исходить из презумпции предпочтительности применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и учитывать, что далеко не все обстоятельства (факты), реально подтвержденные органами уголовного преследования, могут быть достаточными для оправдания содержания обвиняемого под стражей. На это ориентирует их и постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 “О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога” от 19 декабря 2013 г., разъясняющее, что, принимая решение о заключении под стражу, суды на любой стадии производства по уголовному делу обязаны проверять наличие общих и специальных оснований для применения такой меры пресечения (ст. 97 и 108 УПК РФ), которые должны подтверждаться достоверными сведениями и доказательствами, а также учитывать все обстоятельства, влияющие на решение вопроса о заключении под стражу, и обсуждать вопрос о возможности избрания иной, более мягкой меры пресечения (п. 1, 3–6 и 21).

Во-вторых, немало издержек связано с условиями содержания в местах предварительного заключения и в местах лишения свободы. Присоединившись к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Россия тем самым согласилась, что эти условия должны соответствовать требованиям ст. 3 данной Конвенции, согласно которой никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному отношению или унижающему достоинство обращению или наказанию. Как следствие, по мнению Европейского Суда по правам человека, государство обязано гарантировать, чтобы лицо содержалось под стражей в таких условиях, которые сопоставимы с человеческим достоинством, чтобы они не приводили к чрезмерным страданиям и испытаниям, чтобы здоровье и благополучие заключенного под стражу лица были надлежащим образом защищены. Когда же лишение свободы связано с переполненностью следственных изоляторов, нарушением санитарных правил и угрозой заражения инфекционными заболеваниями, даже в отсутствие у властей намерений специально создавать (или поддерживать) подобные условия содержания под стражей, его применение противоречит европейским стандартам.

В своих решениях по делам в отношении Российской Федерации Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал, что заключение под стражу не должно сопровождаться избыточными ограничениями, не имеющими ничего общего с природой и предназначением уголовно-

процессуальных институтов в демократическом правовом государстве (постановления от 2 июня 2005 г. по делу “Новоселов (Novoselov) против России”, от 14 февраля 2008 г. по делу “Дорохов (Dorohov) против России”, от 15 января 2015 г. по делу “Ногин (Nogin) против России”, от 19 февраля 2015 г. по делу “Джаббаров (Dzhabbarov) против России” и др.). В сложившейся обстановки несомненно требуются осуществление развёрнутой системы мероприятий по адекватному финансированию деятельности мест лишения свободы, обеспечение их цивилизованной эксплуатации, организация надлежащего контроля за условиями содержания обвиняемых (подсудимых, осужденных) в местах лишения свободы, наведение должного порядка в работе следственных изоляторов и пенитенциарных учреждений.

В-третьих, серьёзное беспокойство вызывает практика использования в уголовном судопроизводстве доказательств, добытых в ходе негласной оперативно-розыскной деятельности при проведении контрольных закупок в делах, связанных с незаконным оборотом наркотиков, при организации оперативных экспериментов по делам о даче или получении взятки и т.п. Нередко в нарушение ст. 6 Европейской конвенции под видом оперативно-розыскных мероприятий фактически осуществляется склонение определенных лиц к преступной деятельности, которой они раньше не занимались, т.е. имеет место провокация преступления. С тем чтобы воспрепятствовать этому, суды должны тщательным образом проверять обоснованность проведения оперативно-розыскных мероприятий, устанавливать подтвержденность, в том числе документально или иным образом оформленную, наличия у обвиняемого намерений совершить преступление, сформировавшихся до проведения контрольной закупки или иного оперативного эксперимента; всесторонне исследовать заявление обвиняемого о провокации преступления, гарантируя ему возможность давать объяснения и представлять доказательства. В противном случае результаты оперативно-розыскных мероприятий не должны рассматриваться в качестве допустимых доказательств по уголовному делу.

Как следует из юрисдикционной практики Европейского Суда по правам человека по делам, предмет которых условно может быть обозначен как “полицейская провокация” (постановления от 15 декабря 2005 г. по делу “Ванян (Vanyan) против России”, от 10 марта 2009 г. по делу “Быков (Bykov) против России”, от 2 октября 2012 г. по делу “Веселов (Veselov) и другие против России” и т.д.), существующая в Российской Федерации про-

цедура принятия решения о проведении контрольной закупки, а также иных видов оперативного эксперимента страдает рядом серьёзных изъянов: решение об их проведении принимается в административном порядке самим органом, который затем и проводит соответствующие действия (операции); он не обязан обосновывать – ни заранее, ни впоследствии – необходимость их проведения; требования к документальному оформлению контрольной закупки или оперативного эксперимента не распространяются на этап, предшествующий вынесению решения об их проведении. В результате суды, рассматривающие уголовное дело, не имея надлежащим образом запротоколированной информации об истинных причинах контрольной закупки (оперативного эксперимента), зачастую оказываются перед непростым выбором: либо исключить доказательства, полученные с помощью её проведения и, возможно, с нарушением закона, либо констатировать недоказанность провокации со стороны органов дознания. При этом понятно, что в условиях дефицита соответствующих сведений об обстоятельствах принятия решения о контрольной закупке или ином оперативном эксперименте какие-либо специальные гарантии, защищающие судебные инстанции от ошибочных выводов, как таковые, практически полностью отсутствуют. Всё это приводит к необходимости совершенствования правового регулирования соответствующих отношений, одним из перспективных направлений которого могло бы стать введение, по крайней мере в виде общего правила, предварительной судебной санкции как обязательного условия проведения контрольной закупки (оперативного эксперимента).

Помимо упомянутых нарушений международных стандартов российское уголовное судопроизводство не свободно также и от иных дефектов, наиболее нетерпимыми из которых являются применение насилия в ходе следствия (дознания), отсутствие полноценного гарантирования права на защиту, отступление от принципов равенства и состязательности сторон уголовного процесса⁶, несоблюдение разумных сроков судебного разбирательства и т.д. Очевидно, что одномоментное исправление такого положения дел невозможно. Оно требует определённого времени и, конечно

же, совместных усилий всех государственных органов. Причём первостепенное значение приобретает не столько совершенствование уголовно-процессуального законодательства, сколько приведение практики его применения в соответствие с конституционными и международными требованиями. И здесь многое будет зависеть непосредственно от судов, их принципиальности, твёрдости и грамотности в последовательной реализации демократических стандартов уголовной юстиции⁷.

Под этим углом зрения особо следует остановиться на том, что задача согласования конституционных (национальных) и международных стандартов уголовного правосудия не имеет одностороннего – раз и навсегда заданного – вектора. Её нельзя воспринимать упрощённо – как во всех без исключения случаях диктующую необходимость “доведения” российских уголовно-процессуальных реалий до уровня требований, вытекающих из международных обязательств. Не стоит забывать, что Конституция РФ обладает собственным потенциалом, способным оказывать масштабное воздействие на развитие отечественного уголовного судопроизводства, результаты которого по своим последствиям могут быть гораздо эффективнее международных стандартов. Чтобы убедиться в этом, стоит обратиться к институту компенсации за нарушение права на судебное рассмотрение уголовного дела в разумный срок. Его появление в России – и с этим никто не станет спорить – было инициировано Европейским Судом по правам человека, настаивавшего на том, что без данного института не могла быть должным образом решена проблема защиты гарантированного Европейской конвенцией права каждого на судебное разбирательство предъявленного ему уголовного обвинения в разумный срок.

Однако невозможно отрицать и того, что российское законодательство, в отличие от европейских стандартов, исходит из необходимости присуждения соответствующей компенсации как обвиняемому (подсудимому), так и потерпевшему, а также оговаривает, что её выплата может быть обусловлена нарушением права на разумный срок разбирательства по уголовному делу не только при рассмотрении его судом, но и на стадии предварительного следствия. При этом, как отметил Конституционный Суд России, по смыслу Конституции РФ такое право потерпевших (лиц, обратив-

⁶ Заметим в этой связи, что в юридической литературе справедливо отмечается, что состязательность уголовного процесса является своеобразным краеугольным камнем справедливого правосудия, так как именно она предполагает действительное процессуальное равенство обвинения и защиты, а также независимость от них суда как нейтрального и беспристрастного арбитра (см.: *Смирнов А.В.* Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 18–27).

⁷ *Соколов Т.В.* Формы взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства в контексте доктрины судебного права. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2014. С. 3–5.

шихся с заявлениями о совершении в отношении них преступления) должно при определенных обстоятельствах защищаться и в случаях, когда имело место длительное безосновательное уклонение компетентных органов от возбуждения уголовного дела. Кроме того, в Постановлении от 25 июня 2013 г. № 14-П Конституционный Суд указал, что потерпевшему не может быть отказано в признании его лицом, имеющим право на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок, на том лишь формальном основании, что подозреваемый или обвиняемый по делу не был установлен, притом что имеются данные, свидетельствующие о возможном нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства, в том числе в связи с непринятием должных мер судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, дознавателем в целях своевременного осуществления досудебного производства по уголовному делу и установления подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления лиц, с учётом общей продолжительности производства по уголовному делу.

Отдельного упоминания заслуживают и обнаружившиеся в практике Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека различия в подходах к пониманию роли уголовной юстиции в вопросе ограничения избирательных прав лиц, подвергнутых за совершение преступления наказанию в виде лишения свободы. По мнению ЕСПЧ, изложенному им в постановлении от 4 июля 2013 г. по делу “Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против России” со ссылкой на своё постановление от 22 мая 2012 г. по делу “Скоппола (Skoppola) против Италии (№ 3)”, государства – участники Конвенции могут возлагать на суды решение вопроса о целесообразности (пропорциональности) такой меры, как лишение осужденных (заключенных) права на участие в голосовании на выборах, либо закреплять в законодательстве конкретные обстоятельства, при наличии которых указанные лица должны ограничиваться в активном избирательном праве. При этом в случае прямого законодательного ограничения избирательных прав осужденных (заключенных) законодатель обязан избегать общего, автоматического и недифференцированного регулирования.

Между тем Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П констатировал, что российская правовая система ориентирована на то, что ограничение пассивного избирательного права в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, является обязатель-

ным следствием соответствующего приговора, а потому соразмерность такого ограничения – по смыслу ст. 19 (ч. 1 и 2), 32 (ч. 2 и 3) и 55 (ч. 3) Конституции РФ во взаимосвязи со ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод – должна обеспечиваться его законодательной детализацией в зависимости не только от категории преступления, обстоятельств его совершения, личности осужденного, срока лишения свободы, а также порядка (реального или условного) отбывания назначенного наказания.

Что же касается лишения права участвовать в выборах, в том числе в качестве избирателя, граждан, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда, то возможность какого-либо судебного, как, впрочем, и законодательного, усмотрения в этом вопросе в современных российских условиях исключена в принципе, так как данное ограничение избирательных прав прямо и недвусмысленно закреплено в самой Конституции РФ (ч. 3 ст. 32). Следовательно, интерпретация Европейским Судом по правам человека ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, как обязывающей Российскую Федерацию обеспечить возможность эластичного (гибкого) реагирования – судебного или законодательного – на возможность обладания активным избирательным правом со стороны соответствующей категории российских граждан, имеет нереализуемый, во всяком случае без пересмотра действующей Конституции РФ, характер.

Таким образом, российское уголовно-процессуальное законодательство и практика его применения не могут не испытывать на себе совокупного воздействия конституционных принципов и требований международных стандартов уголовного правосудия, адекватное и согласованное восприятие которых и должно определять состояние и развитие уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Исходя из того, что государственный суверенитет отнесён Конституцией РФ (преамбула; ч. 1 ст. 4) к основам её конституционного строя, влияние международных стандартов криминальной юстиции на российское уголовное правосудие не может, как указал Конституционный Суд России в Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П, не учитывать верховенства, независимости, самостоятельности и полноты законодательной, исполнительной и судебной власти на всей территории Российской Федерации, а также независимости России в международном общении, поскольку они являются необходимым качественным признаком Российского государства, характеризующим его конституционно-правовой статус.